

УДК 82.09

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО СБОРНИКА С.Ф. САРМАТОВА «ЯИЧНИЦА С ЛУКОМ»

Н. Ю. Желтова

Тамбовский государственный университет
кафедра русской и зарубежной литературы, журналистики

Статья посвящена «константинопольскому» творчеству незаслуженно забытого «известного куплетиста», писателя, театрального деятеля С. Ф. Сарматова. Работа основана на анализе жанровых особенностей неизученного сборника «Яичница с луком» (1921), который стал одной из первых поэтических книг, изданных в Константинополе и давших начало формированию литературного феномена Русского Константинополя. Сатирическая направленность сборника позволяет его автору экспериментировать с жанровыми формами своих произведений, активно используя приемы русского куплета.

Ключевые слова: *литература русского зарубежья, поэзия Русского Константинополя, сатира и юмор, жанр куплетов, сборник С. Ф. Сарматова «Яичница с луком».*

Литература Русского Константинополя до сих пор остается малоизученным явлением. Тому есть ряд весомых причин, одна из которых связана с трудной доступностью ее ключевых изданий, которые часто находятся в зарубежных фондах. В результате сложных социально-политических процессов в Турции в начале 1920-х годов, стремления ее первого президента М. Кемаля Ататюрка наладить отношения с большевистской Россией были подвергнуты уничтожению многие следы интенсивной русской жизни в Константинополе. Однако в настоящее время происходит активное возвращение культурного наследия русских эмигрантов в Турции, в том числе русских поэтов и прозаиков. Вопреки сложившемуся мнению, что здесь не случилось оригинальных литературных явлений, можно назвать несколько самобытных имен и изданий, которые оказали существенное влияние на становление поэтической жизни в Константинополе. К ним, безусловно, относятся «Пасмурные птицы» Григория Финна (1921), «Стихи» Ольги Ярославны (1921), «Солнечный итог» Андрея Аллина (1922). Все эти сборники уже стали предметом отдельного исследования [4; 5; 6] и отражают становление лирико-драматической линии в эмигрантской поэзии. Однако существенно расширяет ее жанрово-тематический диапазон сборник С. Ф. Сарматова (1873–1938) «Яичница с луком», который имеет характерный подзаголовок «Стихи, шаржи, напевы и перепевы». Изданная одной из первых в Константинополе в 1921 году в издательстве «За рубежом» книга стала отражением тягот эмигрантской

жизни в сатирико-юмористическом ключе, обозначила пути формирования сатирического вектора в прозе русского зарубежья, однако до сих пор остается вне поля зрения современных литературоведов.

Необходимо заметить, что широкую известность Станислав Сарматов (настоящая фамилия – Опенховский) приобрел еще в дореволюционной России как театральный и эстрадный артист, писатель, режиссер, антрепренёр. Он является основателем одного из первых театров миниатюр, которые приобрели широкое распространение в эпоху Серебряного века. Сарматов стоял также у истоков «рваного» жанра в России. Вдохновленный образами горьковских ночлежников из пьесы «На дне» артист активно эксплуатировал образ «босяка», от лица которого исполнял различные куплеты. Скоро он приобрел славу «лучшего куплетиста России», как о нем писали газеты. Но в рамках своего театра миниатюр Сарматов пробовал самые разнообразные жанровые формы: им ставились пьесы, «оперы-анекдоты», «буффонады» и т. д. До революции его «модные куплеты и шансонетки», «пикантные мотивы» часто обретали печатную форму и активно издавались в Харькове, Москве, Петербурге, огромными тиражами выходили также грампластинки с их записями. Блестящий дореволюционный творческий путь Сарматова достаточно подробно освещен в статье Ю.Ю. Поляковой [7], однако в ней почти отсутствуют сведения об эмигрантском периоде его деятельности, которые до сих пор крайне скудны и нуждаются в уточнении.

Известно, что для Сарматова изгнание, как и для многих русских людей, началось в Константинополе, куда он прибыл в 1920 году. Почти сразу же артист окунулся в его бурную ночную жизнь, открыв на паях с А. Н. Вертинским ресторан, который, по одним свидетельствам, назывался «Русский трактир», по другим – «Трактир Сарматова и Вертинского». Но как совместное это коммерческое предприятие долго не просуществовало: компаньоны рассорились навсегда. Интересно, что популярность заведения была настолько велика, что ресторан Сарматова на улице Пера упоминается в рассказе А. А. Аверченко «Первый день в Константинополе» как знаковое место русской жизни, служащее отличным ориентиром для беженцев. Видимо, Аверченко и «король шантаных песен» были знакомы еще до революции. Известно, что в театре миниатюр Сарматова с успехом шла пьеса Аверченко «Телефон № такой-то» 1916 года. Кроме того, артист в 1921 году напечатал поэму «Тринадцать» в эмигрантском журнале «Зарницы», к редактированию которого непосредственное отношение имел Аверченко [8]. Возможно, его знаменитый театр-кабаре «Гнездо перелетных птиц» также во многом базировался на опыте и традициях, заложенных театром миниатюр Сарматова.

В Константинополе начала 1920-х годов также находился и другой известный поэт-сатирик, соратник Аверченко – Дон-Аминадо (А. П. Шпо-

лянский), оставивший любопытные воспоминания о российской славе Сарматова, свидетелем которой он был еще в Одессе. Сарматов характеризуется как «знаменитый куплетист и любимец публики», «действительно талантливый» человек, «куда скромнее собственных поклонников»: «Появившись на эстраде в своих классических лохмотьях уличного бродяги, оборванца и пропойцы, “бывшего студента Санкт-Петербургского политехнического института, высланного на юг России, подобно Овидию Назону, за разные метаморфозы и прочие художества”, Сарматов, как громоотвод, отвёл и разрядил накопившееся в зале электричество. Немедленно исполненные им куплеты на злобу дня сопровождались рефреном, который уже на следующий день распевала вся Одесса. «Дайте мне пилота, / Жажду я полёта!.. // Восторг, топот, восхищение, рукоплескания без конца» [3, с. 51].

В 1923 году Сарматов, как и многие русские, покинул Константинополь и перебрался в США, пытался закрепиться на Бродвее, где играл эпизодические роли, в том числе весьма подходящую ему роль «хозяина русского ресторана». Однако прежнего успеха ему не удалось повторить, умер он в Нью-Йорке в весьма бедственном положении.

Представляется, что единственный из известных на сегодняшний день эмигрантских сборников Сарматова «Яичница с луком» (1921) заслуживает самого пристального внимания. Помимо очевидных художественных достоинств в нем демонстрируются оригинальные формы существования самых разных смеховых жанров. Часть из них носит ярко выраженный авторский характер, и в этой связи весьма любопытны подзаголовки книги («стихи, шаржи, напевы и перепевы») и названия ее разделов: «Стихотворения серьезные и так себе», «Анекдоты» и «Рифмы».

Необходимо отметить, что Сарматов в сборнике впервые в своем творчестве представляет «стихотворения серьезные», в которых отступает от привычного для себя «рваного» жанра и вполне отчетливо проводит линию, характерную для начала русской эмигрантской литературы: осмысление причин эмиграции и выражение тоски по Родине. Именно со стихотворений этой направленности автор начинает книгу, как бы не решаясь или не находя в себе нравственных сил писать в привычном для себя сатирическом ключе о своем изгнании, хотя специальная вклейка к книге «От автора» все же содержит некоторые нотки иронии: «Как и во всякой порядочной книге в сборнике моих стихов есть несколько досадных опечаток. Исправлять их не стоит. Все равно никогда никто на эти исправления внимания не обращает. Но одну все-таки исправим из приличия: она на первой странице, а это совсем неудобно. Итак: в первом стихотворении “Тоска”, в 3 строке, вместо слова “митра” надо читать, конечно, слово “лента”» [9]. Конечно, трудно назвать эту замену слова опечаткой, ибо очевидно замещение церковного «митра» (и более точно-

го) на более нейтральное – «лента». Тем самым автор сборника как бы совершает первый пуант в книге, отказываясь от прямого этического содержания. Именно так выглядит четверостишие в оригинале (здесь и далее произведения Сарматова цитируются согласно нормам современной русской орфографии с сохранением некоторых особенностей авторской пунктуации): «По спящим улицам до утренней зари / Витаю по ночам один я на моторе. / Мелькают предо мной, как митра, фонари / Дворцы, и хижины, и лаковое море» [Там же, с. 3].

Здесь отчетливо Сарматовым обозначаются хронотоп ночного Константинополя и типичное душевное состояние русского эмигранта – тоски, от которой «не убежать», «не скрыться» и которая давно неотступно следует за лирическим героем. Следующее стихотворение «На чужбине» отражает массовое настроение беженцев из России, оказавшихся в ситуации, когда «нет просвета впереди», «нет огней от маяка», когда человек на чужбине задыхается от несвободы и чувствует себя несчастным рабом, сбившимся с пути под влиянием злого рока: «Я не свободен, чем-то связан, / У всех заискивать обязан, / И от улыбок без конца / Устали мускулы лица» [Там же, с. 4].

В стихотворении «Земля и воля» присутствует попытка осмысления трагедии русского крестьянства, его жертв, принесенных на алтарь революции и Гражданской войны, причем используется прием куплета – пуант, который показывает резкий разрыв между ожиданием и реальностью: «Всю жизнь прикованный к земле, / Трудясь до ужаса, до боли, / С холодным потом на челе / Он всё молил: “земли и воли”. // В мундир солдатский наряжен, / Насильем сильных, поневоле, / Он братской пулей был сражен / И получил “земли и воли”» [Там же, с. 5].

Пожалуй, только эти три стихотворения можно отнести по авторской классификации к «серьезным». Темы тоски, смерти, несвободы, беженской доли развиваются и в других произведениях первой части книги, но в них уже привносится доля иронии, осуществляется попытка посмеяться, хоть и горько, над собственным «сплином», поэтому их возможно рассматривать в особой, авторской жанровой категории «серьезные так себе». Например, в стихотворении «Осенние мелодии» после описательной части в последних строках произведения Сарматов не может удержаться от того же куплетного «кувырка», ориентированного на восприятие читателем комического противоречия: «На небе серые волокна. / Бушует ветер среди долин, / Осенний дождь стучится в окна. / И нагоняет в душу сплин. / Свихнувши челюсти в зевоте, / Не знаешь сам на что решиться: / Взять пистолет и застрелиться, / Или поехать в гости к тете» [Там же, с. 11].

Интересна общая композиция сборника, который начинается на вполне серьезной, даже трагической ноте, затем напряжение, заданное

в начале книги, постепенно разряжается произведениями-романсами, потом разделом легких фривольных анекдотов, и в последних «Рифмах» автор уже дает своеобразный мастер-класс молодым поэтам и возвращается тем самым к привычному для себя жанру куплетов.

Романсы Сарматова вполне отвечают традиционному о них представлению. Это лирические произведения, в основе которых лежит некое событие, оставившее глубокий след в душе героя. Они пронизаны сентиментальным пафосом, претендуют на изысканность, высоту чувств и переживаний. Например, романс «Глазки», посвященный О. де Бове, продолжает модную в начале XX века тему «очаровательных глазок». Интересно заметить, что О. де Бове – это не дама сердца поэта, а капельмейстер «Нового театра Омона» (другие названия: «Декаданс», «Буфф»), в спектаклях которого в 1902 году играл Сарматов. О. де Бове был также известным композитором, автором многочисленных популярных романсов, например, неоднократно переиздававшегося «Я не скажу тебе» (1901) [1]. Кроме того, популярен был также романс «Я не знаю, зачем всюду взор твой ловлю» (1910) [2]. Видимо, именно с этим произведением ведет диалог Сарматов с очевидной долей иронии и пародии: «Зачем я встретил эти милые глазки. / Зачем так безумно я их полюбил. / Зачем испытал бездну счастья и ласки. / Зачем свое сердце навеки разбил» [9, с. 8].

Интересно заметить, что О. де Бове участвовал в пародиях Сарматова, в том числе в качестве аранжировщика. Известна их пародия на народную песню «Ухарь-купец» [10]. Романсный характер в «Яичнице с луком» носят также «Зацелуй ты меня...», «Девушка светлая», «Никогда». Видимо, эти стихотворения интимного характера по авторской классификации в полной мере можно называть «напевами». Они становятся своеобразным мостиком, соединяющем романсный стих с куплетными строфами сборника. В них героини лишены какой-либо индивидуализации, являются в той или иной степени носителями пороков, которые разбивают их собственную жизнь или жизнь близких им людей. Персонажи принадлежат к разным социальным слоям, но чрезвычайно схожи по своим низким нравственным качествам. Непосредственно в самих куплетах Сарматов уже прибегает к популярному в конце XIX – начале XX века обобщению своих героев в духе «она», «NN», которые указывают на их аморальный облик:

Она
Мадам NN – известная актриса, –
Кокаинистка, пьяница, развратная жена,
Противна так, как жаба или крыса,
Покуда не намажется румянами она.
Когда ж намажется, я говорю меж нами,
Лицо еще противнее становится у ней, –
Так труп, обставленный душистыми цветами,
Смердит еще ужасней и тошней [9, с. 17].

В куплетных произведениях сборника Сарматов активно прибегает к просторечной лексике, словно ориентируясь на запросы зрителя из кафешантана, где между артистом и слушателями почти нет дистанции, они существуют как бы на равных. Поэтому субъект речи в оценке качеств и поступков своих героев не возвышается над читателями, ему чужда роль моралиста, для аргументации своей позиции он прибегает к многочисленным примерам-казусам из бытовой жизни. Например, в «Некультурном человеке» рассказчик уверен, что найдет понимание и поддержку у публики, почти отстраненно констатирует: «Был человек он очень странный, / Жене своей не изменял, / Сидел он дома постоянно / И книжки умные читал / Не признавал совсем куренья, / Не знал, что значит опьяненье / И в этом деле часто он / Был положительно смешон» [Там же, с. 20].

Рассказчик куплетов не стремится дать однозначную оценку своим героям, он лишь показывает следствия их поступков, то, как наказывает пороки, и смеется над людьми сама жизнь: «И так он прожил целый век, / А после умер бедный малый, / И все сказали: “от отсталый! / Вот некультурный человек!”» [Там же, с. 21].

Весьма любопытно заметить, что собственное развлекательное заведение Сарматова в сборнике подвергается неожиданному осмеянию и его описание окрашено в сатирические тона. В куплетах, которые так и называются: «Кафе на Пера. В Константинополе 1920 г.», – уже в строфе-«заходе» демонстрируются карнавальные перевернутые оппозиции: «В пять часов “файф о клок” начинается: / Все приезжие робки, как кролики, / Им в проходах стоять запрещается / И потому, – вопли о столике. / – Россиянки с особым умением / Разукрасив лицо свое фресками, / С очень явным следят вожделением / За турецкими алыми фесками» [Там же, с. 54].

И далее рассказчик с упоением описывает в подробностях приезжих: «лысых шулеров» с «чересчур благородными лицами», флиртующих актрис, фокстротчиц-«наводчиц», «шансонеток со своими альфонсами», крупье, «сытых от профессии» спекулянтов, подрядчиков с «гордыми взглядами». Каждый из этих аморальных характеров показан как некая новая серия, новый сюжет, новая грань грубой изнанки константинопольской жизни, над которой спешит безжалостно посмеяться Сарматов. С одной стороны, в кафе собираются случайные посетители и внешне солидные люди, с другой – это худшие константинопольские типы, индивидуализация которых рассказчику неважна, поскольку их моральный облик в целом неизменен. В последней строфе куплетов используется характерное безличное обобщение: «Все шумит, бурлит, развлекается, / Тратит лиры, по нашему – рублики. / Все здесь есть, все кому полагается, / Только нету – порядочной публики» [Там же].

Литературный куплет по четкости внутренней структуры, краткости характеристик и описаний, лаконичности сюжета, неожиданности разрешения ситуации, осмеянию различных социальных пороков близок

анекдоту. В этой связи появление в стихотворном сборнике Сарматова раздела «Анекдоты» неслучайно. Завершающая реплика анекдота, которая вступает в противоречие с основным текстом, как бы переворачивая весь его смысл, напоминает пуанты, кувырки в куплете. В анекдотах Сарматова грань между эстетическим, общественно приемлемым и неэстетическим, скабрёзным становится весьма тонкой. Репрезентативным в этой связи является анекдотный диалог «Бырынька и генерал»:

Бабенка сдобная, усевшись раз укромно,
Спросила старого, седого генерала:
– «Скажите, генерал, хоть это и не скромно,
Которая весна вам ныне миновала?»
– «Мне восемьдесят пять, вся жизнь – моя прошла,
Как сон!..» – «Да что вы, неужели?
Ну, знаете, я вам, ей Богу, не дала б...»
– «Да я и не прошу... На что мне в самом деле!» [Там же, с. 63].

В разделе «Рифмы» Сарматов вновь возвращается к жанровым особенностям литературного куплета, для которого характерно своеобразное жонглирование, щегольство рифмами. Читатель в этом случае имеет возможность включиться в своеобразную языковую игру, угадывая или не угадывая рифму, что отражает диалогическую сущность куплетного жанра. Наиболее ярко рифменное мастерство Сарматова проявилось в «Руководстве для молодых поэтов», имеющем характерный подзаголовок «Рифмы». «Руководство...» включает 45 разнообразных стихотворных форм: от двестишестидесяти до восьмидесятишестидесятишести. В них именно рифма становится ведущим приемом в создании комического эффекта, предметом смеха: «Стал он волосы ерошить – / У него украли лошадь» [Там же]. Или: « На ветвях сидели дрофы, / Распевали дружно строфы. / И не ждали катастрофы. / Вдруг раздался где-то выстрел, / Полетела масса ввысь стрел, / И одним кусочком олова / Просверлило птичке голову» [Там же, с. 92].

«Рифмы» Сарматова, очевидно, восходят к традициям русского рашевского стиха, содержат черты русского народного юмора, балагурства, в которых яркие окончания в строфах создают дополнительный комический эффект. Кроме того, Сарматов в книге прибегает также к жанру литературных шаржей, создавая любопытные пародии на современные ему явления в искусстве (например, «Футуристическое», «Сентенции о любви», «Поэза *a la* Северянин»).

Таким образом, в эмигрантском сборнике Сарматова «Яичница с луком» представлено впечатляющее многообразие жанров: от «серьезных» лирических стихотворений до разнообразных смеховых форм, основу которых составляет литературный куплет. Представляется, что использование куплетных приемов позволяет поэту критически осмыслить эмигрантскую действительность, показать ее неприглядную изнанку, сде-

лать предметом смеха и таким образом способствовать преодолению нравственного кризиса русской жизни в Константинополе начала 1920-х годов.

Список литературы

1. Белов Н., де Бове О. Я не скажу тебе: Романс. М.: Издание А. Гутхейль, 1905. 3 с.
2. Гофштеттер В., де Бове О. Я не знаю, зачем всюду взор твой ловлю. М.: Издатель Юлий Генрих Циммерман, 1910. 3 с.
3. Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути. М.: Книга, 1991. 336 с.
4. Желтова Н. Ю. Ольга Ярославна. Избранные стихи // Филологическая регионалистика. 2017. Т. 9. № 2 (22). С. 48–52.
5. Желтова Н. Ю. Григорий Финн. Пасмурные птицы. Стихи 1918–1920 годов // Филологическая регионалистика. 2018. Т. 10. № 1-2 (25-26). С. 54–60.
6. Желтова Н. Ю., Дзайкос Э. Н. «Царьградские фрески»: стихи константинопольского поэта Андрея Аллина // Современные проблемы филологии: сб. материалов VII Междунар. научно-практ. конф. Тамбов: Межрегиональный центр инновац. технологий, 2019. С. 11–16.
7. Полякова Ю. Ю. Театр миниатюр С. Ф. Сарматова (С. Опенховского) // Харків і Польща: люди і події: Матеріали Міжнародної наук.-практ. конф. Харків: Майдан, 2006. С. 79–92.
8. Сарматов С. Ф. Тринадцать: Поэма // Зарницы. 1921. 31 июля. С. 20–22.
9. Сарматов С. Ф. Яичница с луком: Стихи, шаржи, напевы и перепевы. Константинополь: За рубежом, 1921. 93 с.
10. Ухарь-купец: «С ярмарки ехал купеческий сын...»: (пародия) / Аранж. О. де Бове; сл. С. Ф. Сарматова. М.: Ф. Детлаф и К°, [1911]. 3 с.

Об авторе:

ЖЕЛТОВА Наталия Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, журналистики Тамбовского государственного университета (392000, Тамбов, ул. Интернациональная, 33), e-mail: nata_zheltova@mail.ru.

GENRE PECULIARITIES OF S.F.SARMATOV'S CONSTANTINOPLE COLLECTION “SCRAMBLED EGGS WITH ONION”

N. Y. Zheltova

Tambov State University

the Department of Russian and Foreign Literature and Journalism

The article is dedicated to the unjustly forgotten “Constantinople” works of “famous Russian yodeler”, writer, and theater figure S.F. Sarmatov. The research is based on the analysis of genre peculiarities of yet unstudied collection “Scram-

bled eggs with onion” (1921), which became one of the poetical books, published in Constantinople where it started forming the Russian Constantinople literary phenomenon. The satirical slant of the collection gives its author the opportunity to experiment in his works with different genre forms, and to use actively the devices of Russian satiric song.

Keywords: *Russian literature abroad, Russian Constantinople’s poetry, satire and humour; verses’ genre, S.F. Sarmatov’s collection “Scrambled eggs with onion”.*

About the author:

ZHELTOVA Natalya Yurevna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature and Journalism, Tambov State University (392000, Tambov, Internationalnaya str., 33), e-mail: nata_zheltova@mail.ru.